

I

ДВЕНАДЦАТАЯ ЖЕРТВА

Что было, кроме тьмы? Антия не знала. Это был сон — но она не могла сказать наверняка.

Когда во мраке что-то пришло в движение, Антия даже обрадовалась. Она с детства боялась темноты — с того позднего вечера, когда Бриннен, один из офицеров королевской охраны, вводил ее через беспросветный подземный ход из дворца, захваченного мятежниками. Тогда Антия цеплялась за его сухую твердую руку и ей казалось, что откуда-то сверху долетают голоса отца, матери и брата, которых убивали в их спальнях.

Тьма спасла ее. Но Антия до сих пор не могла справиться со страхом. Он всегда оставался рядом с ней.

Вокруг клубился мрак — но вот в нем затеплились едва заметные зеленоватые огоньки, как над старыми могилами. Антия увидела каменную плиту и лежащего на ней человека. Бледная

кожа была усеяна причудливыми татуировками, длинноносое некрасивое лицо казалось торжественным и строгим, и в его чертах было что-то, делавшее его похожим на хищную птицу. Человек шевельнулся, просыпаясь, и Антия испугалась, что сейчас он увидит ее. Почему-то она была уверена, что тогда ее не ждет ничего хорошего.

Человек сел, медленно провел ладонью по черным волосам. Тотчас же зеленоватый сумрак пришел в движение: к плите выбежали люди в зеленых халатах, которые могли быть только слугами, — слишком уж угодливо они склонялись в поклоне, слишком уж торопливо помогали человеку на плите подняться. На острые плечи лег темный плащ, и Антия готова была поклясться, что через мгновение он превратился в крылья. Она увидела, как дрогнули сверкающие перья и по ним побежали искры.

— Пора, владыка! — зашелестели голоса со всех сторон. — Пора!

— Я слышу, — глухо откликнулся человек. В его голосе Антии послышался шорох сухих ветвей и опавших листьев. — Я уже здесь.

Он открыл глаза, и прямо в лицо Антии заглянула черная пустота. Нахлынул ужас, такой густой, что она перестала дышать.

«Проснуться», — приказала себе Антия и не смогла. Человек смотрел ей в лицо, и его взгляд

был словно прикосновение холодных пальцев к коже.

Так могла бы смотреть смерть.

— Владыка Ардион, пора! — услышала Антия еще один голос. В нем за решимостью звучал страх. — Все пришло в движение.

— Я знаю, — отозвался Ардион и наконец-то перевел взгляд в сторону. Антия вздохнула. — Я готов. Когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба, мы сможем их встретить.

И Антия наконец-то смогла проснуться.

За окнами шумел сад. Пахло свежей землей и водой — недавно прошел дождь, и последние капли еще стучали по подоконнику. Антия выскользнула из-под тонкого домотканого одеяла и выглянула в окно. Над городом вставал свежий рассвет, но все еще спали. Не звали на завод гудки, не ворчали на дорогах мобили, не трещали ставни, открывая витрины магазинов и банков. Только лениво плыли в небе спасательные дирижабли, да над ступенчатой пирамидой Ауиле курился легкий дымок.

Жрецы всегда бодрствуют. Их молитвы держат Великого Кита на плаву, и он не ныряет в Мировой океан, чтобы уничтожить людей.

Вот только иногда этого недостаточно. Иногда Кит приходит в движение, и тогда трясутся города и страны на его спине, и надо выбирать жертв, чтобы все стало по-прежнему.

Антии казалось, что она все еще чувствует на своем лице чужой взгляд. Она вздохнула, похлопала себя по щекам и пошла умываться.

«Спится и снится». Дядя Бриннен всегда это говорил.

Приведя себя в порядок, Антия отправилась одеваться. Когда-то она носила пышные платья из дорогих тканей и украшения на шее и в волосах, как и полагается принцессе, и все это невероятно раздражало. Прикосновения рук нянь и служанок, которые ее одевали, заставляли Антию ежиться — няня, помнится, всегда качала головой и приводила в пример других девочек, которые любят шелк и бархат, а за такие золотые браслеты душу бы продали. Антия всегда мечтала, что однажды сбросит эти побрякушки и тряпье и будет жить по-своему: вот и сбывлась ее мечта, пусть и не так, как ей хотелось. Теперь Антия носила простую светлую рубашку, штаны и жилет. Сандалии сменили туфельки на каблучках, и так было намного удобнее.

Заплетя пушистые каштановые волосы в простую косу с зеленой лентой, Антия бросила последний взгляд в старое темное зеркало. Отражение напомнило сказочную русалку в зеленоватой воде, и Антия вспомнила, как мама говорила, что брови надо будет выщипывать, а на щеках не должно быть ни капли румянца. В конце концов, ее дочь принцесса, а не простолюдинка. Но брови Антии

не знакомы с щипчиками, глаза сверкают энергично и весело, а на щеках и носу, которые давно забыли о том, что такое пудра, щедро рассыпаны веснушки. Да, ей далеко до настоящей принцессы.

Подмигнув своему отражению, Антия спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж, в тесную кухоньку, пропахшую специями, и принялась варить кофе в старой джезве. Выходило солнце, несло новый день и новые заботы. Глядя на язычки огня, она думала о том, что сегодня надо было сделать. Перво-наперво забрать лекарства для дяди Бриннена в алхимическом квартале. Врач сказал, что проблемы с почками могут плохо кончиться, поэтому денег жалеть нельзя. Потом сбежать на рынок и решить, что можно купить на семь серебряных львов. Потом...

Антия выключила горелку, сняла с крючка свою чашку и, плеснув кофе, подумала, что все могло быть по-другому, если бы ее отец-король внимательнее выбирал себе друзей. Мать была бы жива. Брат был бы жив. А она сама не работала бы помощницей в следственном агентстве, а, допустим, училась бы в университете. Принцессы из новой династии учатся.

Но о каких университетах может идти речь, когда семь серебряных львов надо растянуть на неделю?

Антия давно забыла о своем прошлом, но раз в год, весной, на нее вдруг накатывала тоска.

Антя выделяла на нее ровно четыре минуты, а затем брала себя в руки и шла работать.

Почему-то кофе сегодня горчил. И ощущение чужого взгляда не пропадало.

Владыка Ардион. Солнечный Кормчий и демоны с неба.

Антя так и не могла понять, почему ей до сих пор настолько страшно.

Данк Джаккен, хозяин детективного агентства, был настолько жирен, что Антя иногда задавалась вопросом, как у него получается проходить в двери. На последней войне он получил две пули в грудь, медаль за отвагу и привычку говорить исключительно матом. Антя давно привыкла, что в речи начальника цензурными были только предлоги и союзы.

— Так вот, сейчас поезжай в Мелатон, — мысленно перевела она распоряжение Джаккена на обычный язык. — Найдешь там кабачок «Свинья и сковорода», в кабачке будет сидеть Папаша Хенрик. Он уже два дня там обедает, значит, и на третий явится. Здоровила такой, бородища рыжая. Поинтересуйся у него, когда он, скотина такая, перестанет прятаться от жены и детей. Если начнет, кидай метку. Он долго умудрялся

скрываться от заказчиков, а я его наконец-то вычислил.

Антя кивнула. Она уже успела забрать лекарства и купить на семь серебряных львов два больших пакета с крупой, овощами и тощими курами и теперь была готова к подвигам.

— Поинтересуюсь, — ответила она. — Брошу. Деньги?

Джаккен недовольно закричал и швырнул ей монетку. Антия ловко поймала ее на лету. Надо же, золотой лев. Вряд ли Папаша Хенрик просто прячется от своей законной мегеры, ой вряд ли.

— Экая ты меркантильная, Антия, — буркнул Джаккен. — Вся в родителя своего, тот тоже с народа шерсть срезал вместе с мясом.

Антя подбросила монету на ладони и холодно пригрозила:

— Сейчас сам туда поедешь, понял?

Джаккен только махнул жирной рукой.

— Иди давай уже. Вот народ, шаг по монете, нет бы из уважения...

Антя выскользнула на улицу и, показав кукиш грязной двери с покосившейся вывеской, двинулась в сторону Мелатона. Она всегда вздыхала с облегчением, когда выходила из тесного кабинета Джаккена, где нечем было дышать от пыли, а папки с завершенными делами громоздились неаккуратными стопками, которые так и норвали свалиться на голову. Можно было бы

нанять маршрутный мобиль, но Антия решила сэкономить. Да и вряд ли кто-то захочет ехать почти из центра в криминальный район, где могут прирезать просто за косой взгляд.

Конечно, ей очень повезло. Новый государь знал, что принцесса сбежала, знал, где и с кем она живет. Раньше Антия поражалась тому, почему ее оставили в живых — потом дядя Бриннен рассказал, что незадолго до переворота Эвион поклялся перед Небом, что если победит, то никогда и никого не казнит — даже детей прежнего короля.

Он лукавил, конечно. Если бы Антия не смогла сбежать, ее бы убили точно так же, как родителей и брата. Но зачем пачкать королевские руки, когда жизнь в трущобах сама расправится с Антией — мало ли таких девчонок умирает по темным углам от болезней, грабителей и насильников?

Но они живы. Это хорошо. Антия не забывала напоминать себе об этом.

По меркам Мелатона «Свинья и сковорода» была вполне пристойным заведением. Антия скользнула в двери, нырнула в облако запахов старого масла, сивухи и жареной картошки и увидела угрюмого типа с рыжей бородой веником, который со знанием дела расправлялся со стейком. Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут обязательно будут проблемы, и не просто так Джаккен расщедрился на орла.

Антия подошла, не дожидаясь приглашения, села за стол и спросила:

— Ну что, папаша? Детки плачут, жена домой ждет, а ты?

Нож, которым Папаша Хенрик пластал стейк, вонзился в столешницу с такой скоростью, что Антия даже не успела испугаться: просто подумала, что он отсек ей палец. Лезвие вошло аккуратно между указательным и средним пальцами; Антия убрала руку и поинтересовалась:

— Ты со всеми такой резкий, Папаша?

— Передай тем, кто тебя послал, — Папаша Хенрик с усилием вынул нож из стола и снова принялся резать мясо, — чтобы больше не посылали. Я ушел от всех дел. Зелья больше не варю. Всем остальным буду совать этот нож в правый глаз.

Вот, значит, как. Антия подумала, что Папаша Хенрик промышлял изготовлением наркотиков. Детки — это потребители, а жена — главный заказчик. Джаккен никогда не говорил прямо.

— Извини, — развела руками Антия. — Это моя работа. Ничего личного.

Она бросила метку быстрее, чем Папаша Хенрик вонзил нож в столешницу. Зеленое пятнышко расцвело над головой Хенрика — магический знак, который всегда будет показывать, где находится человек. Его никак не смыть и не уничтожить. Теперь Хенрику не спрятаться: те, кто его ищет, уже заметили его и встали на след.

В следующий миг Антия уже выбежала из кабака — Папаша Хенрик, грохоча сапожищами, несся за ней. Метку не удалить. Ему просто хотелось выместить злобу на Антии, пока его не взяли. Она помчалась по улице, перепрыгнула через клумбу, вбежала в арку покосившегося трехэтажного дома, вырвалась в проулок.

— Стоять, тварина! — донесся из-за ее спины рев, и брошенный нож, захваченный из «Свиньи и сковороды», царапнул Антию по плечу.

— Ага, сейчас, — выдохнула она и лишь прибавила ходу. Дядя Бриннен научил ее бегать вот так, как желтая антилопа: не теряя скорости, не уставая, контролируя дыхание и биение сердца. А вот Папашу Хенрика никто бегать не учил, и постепенно он стал выдыхаться. Антия обогнула старуху с металлическим ящиком, которая продавала горячие пирожки, и услышала грохот и брань: Папаша Хенрик врезался в продавщицу и ее товар.

Вот и замечательно. Упал — отстал.

Антия еще попетляла по городу, убедилась, что за ней больше не гонятся, и дальше пошла уже спокойно. Задание выполнено. Можно не торопиться.

Вскоре угрюмые домишки Мелатона, которые смотрели на мир мутными бельмами окон, остались позади. Антия вышла в Хорнтон, приличный район с большим парком, банками и магазинами, и побрела мимо витрин, рассматривая товары. Вот ювелирный, и его витрина похожа

на сказочную пещеру с сокровищами. Вот магазин модной одежды: и как, интересно, можно ходить в платьях с такими шлейфами и бантами? Должно быть, можно: это место не жаловалось на недостаток покупателей, вот они входят с горящими от нетерпения глазами и выходят с бумажными пакетами в руках. А вот ларек с горячей едой — банковские клерки покупают мясо с овощами в лепешке и с важным видом обсуждают сделки. Они всегда забавляли Антию: черные костюмы с белыми рубашками делали их похожими на пингвинов. Она остановилась возле пузатой тумбы, на которую мальчишки приклеивали огромный плакат. «День спасительниц» — красные буквы так и бросались в глаза.

Кажется, сердце пропустило удар. «Как я могла об этом забыть?» — устало подумала Антия.

Мир людей лежит на спине Великого Кита, который замер на поверхности Мирового океана. Но иногда Кит все-таки приходит в движение. Антия помнила, как десять лет назад, незадолго до убийства родителей, Кит проснулся и вздрогнул — тогда половину столицы разметало по камешку, и от левого крыла дворца, с его прекрасными статуями, высокими окнами и башенками, остались только развалины.

Каждый год жрецы отбирали двенадцать девушек, чтобы отправить их в подземелье. Когда двенадцать жертв сходили по ступеням вглубь пи-